

ГЕНИЙ

Легенда о Золушке: университетский вариант, рассказанный автору случайным попутчиком – студентом мехмата. Когда Гельфанд закончил девятый класс школы в небольшом местечке под Одессой, учитель математики сказал ему: “Изя, дорогой, я больше ничему тебя уже не научу. Езжай в Москву, найди там МГУ, а в МГУ – мехмат. Учись дальше, и ты станешь великим математиком!”

На мехмате девятиклассник дошел только до секретаря деканата: “Молодой человек, где Ваш диплом об окончании средней школы? Ах, у Вас его еще нет! Тогда езжайте к себе назад на Украину и приходите через год, с дипломом!”. Но вернуться домой Гельфанд уже не мог. Слишком запали в душу слова учителя о его великом будущем. Он решил остаться в Москве и, чтобы заработать на жизнь, устроился гардеробщиком в Ленинскую библиотеку – все же как-то поближе к книгам. Там и застал его однажды за чтением монографии по высшей математике молодой, но уже знаменитый математик Андрей Николаевич Колмогоров. Математик спросил: “Мальчик! Зачем ты держишь в руках эту книгу? Ведь ты не понимаешь в ней ни строчки!” – “Я извиняюсь, товарищ профессор, но Вы не правы!” – “Я не прав? Тогда вот тебе три задачи, попробуй решить хотя бы одну из них, пока я не вернусь за своим пальто. У тебя есть часа два времени!”

Колмогоров пробыл в библиотеке дольше, чем рассчитывал, и, вернувшись за пальто, отдал номерок другому гардеробщику, совершенно забыв о своем поручении юному Гельфанду. И уже на выходе из вестибюля он услышал позади робкий возглас: “Товарищ профессор! Я их решил ...” Андрей Николаевич вернулся, взял у Гельфанда исписанные торопливым почерком листки, выданные из школьной тетради, и с изумлением обнаружил, что все задачи решены, причем последняя, самая трудная, необычно изящным по своей простоте и неизвестным ему способом. “Тебе кто-то помог?” – “Я извиняюсь, но я решил все сам!” – “Ты сделал это сам?!! Тогда вот тебе еще три задачи, и, если ты решишь две из них, я возьму тебя на мехмат, к себе в аспирантуру. У тебя на все про все четыре дня!”

Спустя этот срок Колмогоров снова появился в гардеробе Ленинки и уже безошибочно подошел к тому его сектору, который обслуживал Гельфанд: “Ну, как дела?” – “Мне кажется, что я их решил ...” Колмогоров, не раздеваясь, углу-

бился в чтение листиков, написанных тем же торопливым почерком. Прочтя, он поднял голову, внимательно посмотрел Изе в глаза и сказал, перейдя на “Вы”: “Извините меня, пожалуйста, за сомнения в авторстве решений тех первых задач, которые я дал Вам несколько дней назад. Теперь Вы доказали, что Вам никто не помогал. Дело в том, что ни в этой библиотеке, ни за ее пределами Вам никто не мог подсказать решения *третьей* задачи: до сегодняшнего дня математики считали ее неразрешимой! Оدهвайтесь, я познакомлю Вас с ректором МГУ”.

Они застали ректора в его кабинете на Моховой. Тот сидел за столом, заваленным бумагами, и что-то напряженно писал. Ректор лишь мельком взглянул на вошедших: “Андрей Николаевич! Мне надо срочно дописать этот документ, а Вы врываетесь ко мне с каким-то мальчишкой!” – “Простите великодушно, но это не мальчишка, а Израиль Моисеевич Гельфанд, гениальный математик. Он любезно согласился пойти ко мне в аспирантуру. Прошу Вас распорядиться”.

Вот почему так случилось, что академик Гельфанд никогда не учился в 10-м классе и никогда не был студентом.

Знакомство. Сорок лет тому назад А.С. Спирин пригласил меня на биологический семинар Гельфанда. Я пришел, ничего не зная об изуверском правиле семинара: заставляя новичка сделать без подготовки часовой доклад на выбранную им, новичком, тему. А говорить надо было, обращаясь к элите нашей биологической мысли: семинар был закрытым, и приглашали на него по большому выбору.

Я уютно устроился в последнем ряду рядом с Инной и Федей Севериными и приготовился слушать докладчика, не подозревая, что докладчик – то я сам. И вот в зал вошел небольшого роста сутулый человек с живыми глазами, чем-то неуловимо напомнивший мне мою покойную бабушку. “Гельфанд!”, – страшным шепотом сказал, толкнув меня в бок, Федя. Гельфанд сел в первом ряду, обернулся к аудитории и сказал: “У нас сегодня новичок. Его привел Саша Спирин. Скулачев, пожалуйста, к доске и расскажите нам что-нибудь интересное”. Хорошо, что я сел в последний ряд: у меня было время обдумать тему доклада, пока я шел к доске через весь длинный зал заседаний Института биофизики. Я решил рассказать о своей идее, что фермент – не просто очень мощный катализатор разнообразных химических процес-

сов, а “умный”, *самонастраивающийся катализатор*, самостоятельно оценивающий, так сказать, сиюминутную конъюнктуру внутри клетки и решающий на основании такой оценки где, когда и в какую сторону следует вести катализируемую им реакцию. К счастью, я только что отдал в печать рукопись книжки, в одной из глав которой была описана концепция самонастраивающегося катализатора.

Если не сама идея, то, по крайней мере, способ ее аргументации показался почтенной аудитории свежим. Меня перебивали, засыпали вопросами, на которые я, по-видимому, достаточно удачно отвечал, потом выпрямился, обвел взглядом зал и воскликнул: “Послушайте, где вы его нашли?” На тонких губах Спирина застыла улыбка, а огромные, прекрасные глаза Инны лучились гордостью за такого знакомого. И тут меня, как Остапа Бендера, понесло. Я где-то чуть-чуть, ну, совсем самую малость заступил за черту, отделяющую факты от вымысла, и на следующую пару вопросов ответил слишком, скажем прямо, нахально. Я быстро спохватился, да и время семинара подошло к концу. “Ну что, оставляем?”, – спросил Гельфанд под одобрительный гул зала. Так я стал членом нашего самого знаменитого биологического семинара и оставался им четверть века, вплоть до его закрытия в начале девяностых. И только лет через десять после своего “бенефиса” я узнал истинное мнение Гельфанда о своем докладе.

Как-то И.М. показалось, что очередной докладчик немного грешит против истины во имя красоты своей концепции. Гельфанд прервал его и рассказал анекдот (или случай из жизни?) про ленинградского актера, вздумавшего написать воспоминания. Написанное автор послал на суд своему другу-писателю в Москву, сопроводив запиской: “Шлю мемуары. Надеюсь, ты сам поймешь, где в них правда, а где – мой талант!” – “Мне кажется, – сказал Гельфанд, – Вы ставите перед нами такую же задачу, пытаетесь сделать доклад красивым. Но если мне надо красивое, я лучше пойду в кино! Помните, как Скулачев в своем первом выступлении у нас тоже под конец скатился к красавице? Правда, с тех пор с ним такого, по-моему, больше не случилось”.

Поразительно, как он уловил мой огрех, условно, не будучи в курсе сути дела, очень далекой от круга его интересов и специфики образования. Не менее поразительно, что Гельфанд ни словом не обмолвился об этом на моем первом докладе, а высказался много лет спустя, когда я уже безнадежно влюбился в него и когда главным критерием своего успеха в науке стала для меня возможность доложиться, не провалившись, на его семинаре.

Прощание. В начале девяностых, когда в России свирепствовал экономический кризис, И.М. получил самую ценную и престижную научную награду – “премию Киото”, присуждаемую раз в год одному-единственному ученому. Это совпало с приглашением организовать лабораторию биологии нейрона в Университете Радгерса в Нью-Арке, что под Нью-Йорком. (Замечательно, что сверхделовые американцы позвали 80-летнего математика заведовать биологической лабораторией: сыграла роль мировая слава и индекс цитирования – самый высокий среди всех ученых, работающих в России.) Гельфанд принял предложение и уехал. Пресеклись знаменитые Гельфандовские семинары, что стало невосполнимой потерей для интеллектуальной жизни Москвы. А через год И.М. ненадолго вернулся и, конечно же, собрал математиков поговорить. Дело было в 536-й аудитории корпуса “А” МГУ, куда раньше каждую вторую пятницу приходили участники Гельфандовского семинара. Мой кабинет – этажом ниже. Когда я узнал, что в 536-й – Гельфанд, то опрометью бросился наверх и заглянул в аудиторию, чтобы хотя бы издали увидеть своего кумира. Гельфанд заметил меня и вышел в коридор. Там мы простояли некоторое время, молча смотря друг на друга. Я не сентиментален, но вдруг осознал, что на глаза навернулись слезы. Тогда И.М. крепко обнял меня, чуть привстал на цыпочки и поцеловал в лоб. И тут я понял, что моя любовь к нему была не совсем безответной.

В.П. Скулачев, академик РАН

E-mail: skulach@belozersky.msu.ru